

О ФИЛОСОФСКОМ ПОДХОДЕ К ПЕРЕВОДУ ЛЕКЕМЫ «НИЧТО» В САРТРОВСКОМ «БЫТИИ И НИЧТО»*

© И. В. Кузин

Кузин Иван Владиленович
кандидат философских наук
доцент кафедры социальной
философии и философии
Институт философии СПбГУ
(г. Санкт-Петербург)
e-mail: iaffet@newmail.ru

В исследовании рассматриваются возникающие философские затруднения, связанные с переводом на русский язык лексических единиц французского языка néant и rien в трактате Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». На конкретных примерах показывается, насколько игнорирование философского содержания, присутствующего в ряде грамматических форм, препятствует пониманию общего смысла, который хочет передать в своих положениях философ.

Ключевые слова: Сартр, «Бытие и ничто», перевод, néant, rien, ничто, несущее, нечто, «Бытие и ничто».

По поводу основного труда Сартра написано несметное количество статей и книг, в которых с разных точек зрения анализируется философское содержание понятия «ничто», однако нам неизвестны исследования, в которых бы подобный анализ был соотнесен с разбором грамматических аспектов этого понятия. В нижеследующем исследовании мы решили обратиться именно к теме грамматической репрезентации понятия «ничто», не оставляя без внимания его философское наполнение. Необходимость проведения такого рода аналитики наиболее очевидно заявляет о себе, когда сталкиваешься с этим текстом в переводе.

Проблема перевода — проблема извечная, и нет необходимости указывать на то, что перевод всегда неточен, приближителен, в силу чего безусловную ценность получают те тексты,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-03-00247а.

которые могли бы «похвастаться» несколькими переводческими версиями, и поэтому каждый новый перевод обычно только приветствуется. Это вдвойне справедливо в отношении философских трактатов, в которых автор старается соблюсти строгость и последовательность в использовании слов, которые заимствованы им из естественного языка, но возведены в ранг терминов, чтобы на протяжении всей работы сохранять и не подменять их близкими, но все же иными по значению синонимами. Безусловно, такого рода самоограничение на вольное использование языка не всегда достигается (достаточно вспомнить кантовскую путаницу с трансцендентным и трансцендентальным), однако приверженность этим жанровым рамкам присуща всякому философу, если он не желает числиться только по литературному ведомству. Перефразируя М. К. Мамардашвили, можно сказать, что дьявол играет нами, когда мы не точно используем слово.

В «Бытии и ничто» Сартр выступает именно как философ, и перевод этого труда, сделанный В. И. Колядко, в целом, является неплохим. Однако бросается в глаза некая опрометчивость, допущенная издателем и переводчиком, которые проигнорировали в отдельных местах трудность, связанную с переводом семантически разных, хотя формально и схожих слов — «néant» и «rien». Если бы мы имели дело с художественным произведением, то на такую деталь можно было бы и не обращать внимания, однако у Сартра слово «néant» является важнейшим термином, поэтому в переводе некоторых фрагментов текста необходимо было проявить большую щепетильность.

Проиллюстрировать вышесказанное нам бы хотелось ссылкой только на два таких места, где слово «rien» переведено как «ничего», в то время как его следовало бы перевести, к примеру, — «несущее». Простое следование за словарной статьёй в переводе данного слова резко затрудняет понимание смысла того, что хотел сказать Сартр.

Вот одно из этих мест: «...Ce *rien* envisagé n'aurait pas encore le sens du *néant* (в обоих случаях курсив наш. — И. К.): une suspension de l'être qui resterait inconnue, qui ne serait pas conscience de suspendre l'être, viendrait du dehors de la conscience et aurait pour effet de la couper en deux, en réintroduisant l'opacité au sein de cette lucidité absolue» [Сартр 1943, 63].

Русский перевод таков: «...Это рассматриваемое *ничего* еще не будет иметь смысла *ничто* (во втором случае курсив наш. — И. К.): временное прекращение бытия, которое оставалось бы неназванным, которое не было бы сознанием приостановки бытия, пребывало бы вне сознания и имело бы следствием разрыв его на две части из-за введения непрозрачности в абсолютную прозрачность» [Сартр 2000, 65].

Возникающие здесь очевидные проблемы в понимании смысла сказанного позволяют не только завести разговор о тонкостях перевода, но побуждают, прежде всего, к более обширным размышлениям, касающихся философского содержания задействованных здесь языковых форм. Проблема здесь даже не в том, что переводчик не смог найти в русском языке более точный аналог существительному *rien*, что позволило бы яснее передать смысл этого фрагмента, а в том, что иногда адекватный перевод невозможен (как это случилось, например, с хайдеггеровским *Dasein*), заставляя тем самым переводчика либо делать развернутое примечание к данному месту, либо хотя

бы указывать в скобках слово-оригинал. От правильно понятого начала во многом зависит судьба последующего движения, поэтому в указанном нами фрагменте точность перевода крайне важна, потому что первая глава вовсе не проще введения, являющегося, по заверению Дж. Каталано, самой трудной частью всего произведения [Каталано 1985, 17].

В оригинале возможность двусмысленного или тавтологичного прочтения приведенного фрагмента минимизирована, потому что нам представлены разные по своему виду лексические единицы — *néant* и *rien*. Поэтому возникает вопрос, возможно ли и как через русский язык произвести такую же минимизацию?

Дополнительную сложность к тому, как философски интерпретировать и, исходя из этого, переводить французское слово «*rien*» (лат. — *rem* (аккузатив *res* ‘вещь’)), создают существующие переводы на другие языки. Так, например, Шеллинг, полагал, что французское слово *rien* означает *чистое ничто*, и в греческом языке ему будет соответствовать οὐκ ὄν — «укон» (полное отрицание бытия), а французское *néant* означает *относительное ничто*, и согласуется оно с греческим μὴ ὄν — «меон» (отсутствующее существование, или незаполненное существование, не данное вещным образом, поэтому-то в английском языке мы также имеем: *nothing* — букв. *не-вещь*) [Шеллинг 1861, 284-285]¹. Однако дело обстоит не столь однозначно. Более того, относительно значений французских слов все обстоит прямо противоположным образом [см.: Словарь 1861, 368, 469], несмотря на то, что для этого существуют некоторые основания. В частности, применение Лейбницем слова *rien* для обозначения *абсолютного ничто* в его известном вопросе: «Почему существует нечто, а не ничто» [Лейбниц 1982 I, 408].

В отличие от понимания Шеллинга у Сартра слово *néant*, ставшее основным понятием, фигурирующим и в названии трактата, ближе стоит к значению абсолютности, нежели относительности, что отвечает этимологии слов *néant* (отрицается вот-бытие, т. е. *être*) и *rien* (отрицается бытие вещи, т. е. *res*).

Для разрешения этого странного недоразумения мы бы и хотели обратиться как к этимологическому прояснению французских слов «ничто» (*néant*) и «ничего» (*rien*), так и к сравнению их со значениями в других языках, чтобы обнаружить общую почву для понимания смысла понятия «ничто».

XXX

Для начала рассмотрим неопределенное местоимение «нечто» в современном русском языке. Здесь выявляется специфический поэтапный процесс отрицания сущего и его существования. Само «что» несет с собой аспект сомнения [см.: Буслаев 1992, 210-213, 230-231], производя *как бы* первое отрицание — отрицается конкретное, *указанное* данное сущее: *ч-то* как бы

¹ Относительно греческих терминов похожей позиции придерживался А. Ф. Лосев: «...Весьма интересен платоновский термин το μὴ ὄν, который он отличает от термина το οὐκ ὄν. Это последнее «укон» есть просто отсутствие чего-нибудь в абсолютном смысле слова; «меон» же не есть просто отсутствие, но отсутствие с возможностью присутствия» [Лосев 1994, 573].

приравняется к *не-то*, т. е. то, чего *здесь* нет, но оно *вообще* все же есть. Поэтому для подтверждения этого существования применяется второе уже явное «не», второе отрицание, которое как бы утверждает это «то» как существующее *вообще*, благодаря чему, через двойное отрицание, мы получаем утверждение неопределенного существования — «ничто». Когда же мы используем усилительную отрицательную частицу «ни», то в этом случае происходит отрицание самого существования как типа существования сущего. Однако и такое отрицание не означает абсолютного отрицания бытия. Это отрицание того бытия, которое присуще сущему, поэтому оно — небытие сущего, ничто.

Похожую картину мы видим в английском языке. В переводе трактата Сартра используются два слова *nothingness* и *nothing*, обозначающие «ничто».

Слово *no-thing* буквально можно перевести как «не-вещь», поэтому привычный перевод *nothing* как «ничто» не следует понимать как указание на абсолютное ничто. Здесь также производится отрицание некоего вещного существования, существования сущего, в результате чего сохраняется привязка к существованию самому по себе, хотя и вне конкретной вещиности, но в основании которой оно лежит. Таким образом *данное «ничто»*, скорее всего, следует связать с русским местоимением «*ничто*», в котором заключено отрицание *определенной* вещи, сохраняя возможность говорить о существовании *вообще чего-то*, хоть оно и неопределенное, но все же существование.

Словом *nothingness* за счет суффикса *-ness* производится обобщение, которое отсылает к ничто как таковому, оторванному от связи с существующей вообще вещью, поэтому оно представляет собой своего рода усиленное отрицание. Но и оно не является абсолютным, так как здесь производится отрицание *существования*, лежащего в основании *сущего*, т. е. данное слово предстает, по существу, тоже в качестве двойного отрицания — не-не-то, которое при этом не становится утверждением «того», вещи, отвергнутой первым отрицанием, как это бы следовало с формально-логической точки зрения. Такое двойное отрицание выступает утверждением *иного* (существования), не являющегося существованием сущего, и отрицанием того бытия, которое относится к сущему, т. е. это такое небытие, которое не является абсолютным ничто, иное измерение, нежели бытие, поддерживающее сущее.

Если я говорю, что Марка здесь нет, то констатируемое отсутствие посредством слова *néant* не означает абсолютного ничто, но при этом оно и не связывается с конкретным отсутствием Марка, оно указывает просто на само отсутствие, которое присутствует, но не как конкретное состояние чего бы то ни было (что снимает как раз таки и *nothingness*), а как именно отсутствие, ничто, некое состояние отсутствия как таковое, предоставляющее возможность чему бы то ни было явиться, так как именно через это отсутствие нечто может и удалиться, но в некотором смысле как бы оставаться. *Nothingness* и есть само отсутствие, действительно некая пустота, но содержащая потенциальность присутствия, и тем самым, делающееся присутствием, оно потенцировано сущим, но и сущее немисливо без такого рода отсутствия, дающему сущему быть как присутствие, но с «помыслом» о возможности отсутствия. Марк не исчез, не присутствуя здесь, но *ничто* есть здесь, потенциально удерживая

Марка здесь. Это *ничто* здесь само присутствует, чтобы Марк мог как появиться, так и удалиться. В отличие от *nothingness nothing* просто указывает на то, что не имеется в виду конкретная вещь, т. е. что нечто не дано как нечто осязаемое и наглядно данное, т. е. указательным образом, поэтому оно и может быть сближено с неопределенным местоимением, в том смысле, что нечто все же существует, но не дано как наличная данность. Суффикс *-ness* усиливает смещение акцента с вещи, на само отсутствие, чего еще не достигается в словоупотреблении *nothing*.

Несмотря на то, что аналогами французских слов *rien* и *néant*, используемых Сартром, в английском языке мы считаем, соответственно, *nothing* и *nothingness*, слово *néant* более прямо означает небытие (это не есть то бытие, которое присуще сущему) в отличие от слова *nothingness*, которым небытие полагается как бы через двойное отрицание². Поэтому сартровское небытие, или ничто, неправомерно отождествлять с парменидовским абсолютным ничто, так как для Сартра, как и для Парменида, абсолютного небытия нет. Отметим, что описания существа парменидовской мысли о едином бытии³ вполне могут быть соотнесены со словарными характеристиками местоимения «ничто»: лишенное всякого значения, безразличное, несущественное, бессодержательное, пустое [см.: словарь 1958, статьи *ничто*, *ничтожество*], не заслуживающее внимания [см.: словарь 1847, статья *ничтожный*].

Любопытно, что такого же отношения со стороны непритязательного, философски равнодушного обывателя удостоивается классическая категория «бытия», она оказывается вне поля нашего повседневного внимания. Для человека повседневности такой категории, как и категории «ничто», вовсе нет или для него она не имеет равным счетом никакого значения в качестве предмета его интеллектуальной и душевной заботы. При таком подходе оправданно сказать, что *бытие* это не «что» (в смысле не нечто единично сущее) и не «что» (в смысле не что-то общее, сущностное), оно ни то, ни другое, т. е. оно *ничто*.

Это позволяет понять, почему Сартр, описывая, по существу, одно и то же «явление», нередко заменяет примененный к нему термин *le néant*, переводимый на русский язык и как небытие, и как ничто, «на термин *le non-être*, который переводится уже однозначно как небытие» [Кузнецов 1969, 83]. Для Сартра *небытие* — это как бы указание на то, что мы имеем дело с тем, что нетождественно *существованию*, которое присуще реально единично сущему, а понятием *ничто* подчеркивается, что то, в отношении чего это понятие

² Это выявляется суффиксом *-ness*, который при этимологическом рассмотрении означает «не быть конкретным», что позволяет говорить об обобщении, абстрагировании понятия, к которому прибавляется данный суффикс. Причем, как мы можем увидеть, данный суффикс обнаруживает себя в различных вариантах в германских языках, в которых он использовался именно «для выражения абстрактных понятий» [Жирмунский 1948, 268].

³ «Единое сущее бытие — ἔν τὸ ὄν — безразлично ко всяческим различиям всех существующих — πάντα τὰ ὄντα. ...Без-различное (одинаковое для всего) бытие не есть ничто (не «что») из различного сущего (из существующих «что»); бытие не есть ни *сумма* существ, ни *обобщенное* существо (ни общий «род», ни пустое «обобщение»), ни *высшее* существо. ...Бытие в общем и целом где-то там за горизонтом...» [Ахутин 2007, 619-620].

применяется, имеет совершенно иной статус, нежели какое бы то ни было чуждое *существование* (сущее, или *феномен*).

Следующий фрагмент лишней раз это подтверждает: «Ainsi la condition pour que la réalité-humaine puisse nier tout ou partie du monde, c'est qu'elle porte le néant en elle comme le *rien* qui sépare son présent de tout son passé» [Сартр 1943, 63]. На русский язык он переведен так: «Таким образом, условием для отрицания человеческой реальностью всего мира или его части и является то, чтобы она несла в себе ничто как *ничего*, что отделяет ее настоящее от всего ее прошлого» [Сартр 2000, 65]. Здесь мы видим принципиальную содержательную разницу между двумя «ничто», хотя эта разница на первый взгляд заключена только (во всяком случае, в русском языке) в падежной форме. Английский же перевод такой: «Thus the condition on which human reality can deny all or part of the world is that human reality carry nothingness within itself as the *nothing* which separates its present from all its past» [Сартр 1969, 28]. Несмотря на то, что суффикс *-ness* позволяет оттенить разницу между двумя ничто (*rien* и *néant*), она не столь очевидна, точно также, как она неочевидна и в русском. Тем не менее посредством него все же удается достичь большего приближения к тому содержанию, которое заключает в себе французское *néant*.

Вместе с тем примечательна сложившаяся традиция перевода на английский язык слова «ничто» преимущественно словом *nothing*, нежели *nothingness*. Так, например, классический философский вопрос, сформулированный Лейбницем, «почему существует нечто, а не ничто», получает следующий перевод — ‘Why is there is something rather than nothing?’; такой же подход мы обнаруживаем и в отношении хайдеггеровских пассажей, например: «Gibt es das Nichts nur, weil es das Nicht, d.h. die Verneinung gibt? Oder liegt es umgekehrt? Gibt es die Nichts nur, weil es das Nicht gibt? ...Wir behaupten: das Nichts ist ursprünglicher als das Nicht und die Verneinung. ...Das Nichts selbst nichtet» [Хайдеггер 1976, 108, 114] — «Is the nothing given only because the "not", i.e., negation, is given? Or is it the other way around? Are negation and the "not" given only because the nothing is given?... We assert that the nothing is more original than the "not" and negation. ...The nothing itself nihilates» [Хайдеггер 1977, 99, 105]⁴ — «Неужели Ничто имеется только потому, что имеется Нет, т. е. отрицание? Или как раз наоборот? Отрицание и Нет имеются только потому, что имеется Ничто? ... Будем утверждать: Ничто первоначальнее, чем Нет и отрицание. ...Ничто само ничтожит» [Хайдеггер 1993, 19, 22].

Думается, что такие переводы обусловлены статусом этого *ничто*, а именно тем, что оно не имеет некоего абсолютизированного характера, являясь вторичным по отношению к *бытию*, оно основано на нем, не обладая даже относительной самостоятельностью, что все же обнаруживается у Сартра. Такое различие переводов понятия «ничто», возможно, вовсе не случайно и в силу того, что благодаря этому стремятся отразить отличие позиций Хайдеггера и Сартра, на что справедливо указывает ряд исследователей. С ними трудно согласиться в случае доведения противопоставления этих позиций до

⁴ В одном из последних переводов лекции Хайдеггера, сделанного Томасом Шиханом (Thomas Sheehan), данное понятие переводится точно также [см.: Хайдеггер 2001, 4-21].

принципиальной несовместимости⁵. Несмотря на то, что оснований в трактате для вывода о *полной* абсолютности *ничто* можно найти достаточно (одним из таковых оказывается уже само слово *néant*, возведенное в центральное понятие и традиционно раскрываемое как абсолютное отсутствие и абсолютная недействительность), у Сартра самостоятельность *ничто*, даже если и содержит момент абсолютности, не имеет при этом субстанциального характера, что в результате снижает степень этой абсолютности.

Но ситуация еще более усложняется, когда мы возвращаемся как к вопросу Лейбница, имея в виду, что он сформулирован на французском языке, так и к переведенным на французский язык размышлениям Хайдеггера по поводу этого вопроса. Здесь мы уже встречаемся с употреблением и слова *néant*, и слова *rien*. Так вопрос Лейбница звучит следующим образом: «Pourquoi y a-t-il quelque chose et non pas plutôt rien?». Выходит, что здесь о ничто говорится не в абсолютном смысле, т. к. использовано слово *rien*? К тому же, казалось бы, принимая во внимание работы на латинском языке [см.: Лейбниц 1982 II, 234; Лейбниц 1982 III, 283], следовало бы применить слово *néant*, соответствующее латинскому *nihil*. Но для Лейбница понятие *ничто* еще не приобрело такого строго терминологического смысла, как это произошло уже в философии Хайдеггера или Сартра. Более того во французском языке в это время общеупотребительным является *rien* в отличие от слабо закрепившегося в сознании *néant*, несущего в себе латинскую основу.

Однако когда переводятся рассуждения Хайдеггера, например, во «Введении в метафизику», то переводчик не ограничивается использованием слова *rien*, а вводит также и *néant*, вроде бы, абсолютизируя тем самым *ничто*: «Car pourquoi questionner sur le néant? Le néant est simplement: rien. Le questionner n'a plus rien a rechercher ici. Et surtout la mention du néant ne nous avance absolument pas pour la connaissance de l'étant» [цит. по: Куртине 2007, 30]⁶ — «Ибо что еще можно спросить о ничто? Ничто есть просто ничто. И спрашиванию здесь нечего больше искать. Введение термина ничто не прибавляет нам ни йоты в познании сущего» [Хайдеггер 1997, 106]. Следует оговорить, что с французского языка хайдеггеровское положение было бы точнее перевести как «Небытие есть просто ничто», причем под словом «ничто» подразумевать буквальное французское «несущее» (*rien*)⁷. В русском переводе данный нюанс совсем не виден. Вместе с тем в других случаях хайдеггеровское «ничто» переводится словом *rien*. Так вышеприведенная цитата из лекции

⁵ «При всем внешнем сходстве позиции Хайдеггера и Сартра имеют мало общего. Сартр, используя отчасти терминологию Хайдеггера, складывает из нее другое целое» [Михальский 2010, 316, а также 314-315].

⁶ На немецком языке это выглядит так: «Denn was sollen wir nach dem Nichts noch weiter fragen? Nichts ist einfach nichts. Das Fragen hat hier nichts mehr zu suchen. Mit der Anführung des Nichts gewinnen wir vor allem nicht das Geringste für die Erkenntnis des Seienden» [Хайдеггер 1983, 25].

⁷ Это согласуется с определением Ничто, данным Хайдеггером в «Что такое метафизика?»: «В самом деле, Ничто есть отрицание всей совокупности сущего, оно — абсолютно не-сущее» [Хайдеггер 1993, 18].

«Что такое метафизика?» на французском языке выглядит так: «N'y a-t-il le rien que parce qu'il y a le ne-pas, c'est-a-dire la négation ? Ou est-ce l'inverse ? N'y a-t-il la négation et le ne-pas que parce qu'il y a le rien? ...Nous affirmons : le rien est plus originel que le ne-pas et la negation. ...Le rien lui-même néantit» [Хайдеггер 2012, 5-6, 12].

Таким образом, даже при отсутствии такого же наглядного различия двух *ничто*, которое мы находим во французском тексте, перевод на английский язык позволяет в большей степени схватить это различие, нежели в русском и немецком вариантах. На немецкий язык название трактата перевели как «*Das Sein und das Nichts*», а приведенную выше сартровскую цитату следующим образом: «Die Bedingung dafür, daß die menschliche-realität die welt ganz oder teilweise negieren kann, ist also, daß sie das Nichts in sich trägt als das *nichts*, durch das ihre Gegenwart von ihrer ganzen Vergangenheit getrennt ist» [Сартр 2001, 89-90]. Мы видим, что в немецком переводе также не передается французский аналог употребления слова «ничто», как и в русском, хотя субстантивация *nichts* при первом использовании все же позволяет обнаруживать соответствие французскому *néant* в противоположность второму несубстантивированному использованию данного слова, соответствующему *rien*. В глоссарии переводчик указывает на сложность перевода этих понятий, предлагая понимать данное различие следующим образом: *néant* является тем *ничто*, которое относится к характеристике структуры сознания, т. е. по существу, связано только с сознанием, в то время как *rien* относится к тому, что сознания лишено, т. е. именно к констатации отсутствия чего-то в вещном мире. Причем оговаривается, что Сартр сам не всегда соблюдает подобное различие, смешивая эти понятия в различных контекстах⁸. Немаловажно и то, что в немецком переводе рядом с немецкими словами *nichts* указаны соответствующие им французские слова (что позволило более точно продемонстрировать то различие, которое наличествует в оригинале и которое, хоть и отчасти, но удалось сохранить в английском переводе), чего не сделано и является существенным упущением в русском переводе.

Итак, при анализе русских слов «нечто» и «ничто», мы обнаруживаем справедливость замечания С. Н. Булгакова о том, что греческое $\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$, нередко приравняемое к «ничто», следовало бы понимать, а возможно и переводить, как «нечто» [см.: Булгаков 1994, 130-138]⁹. В случае перевода *rien* более точным ему русским эквивалентом будет местоимение «нечто»¹⁰ (несущее) в смысле отрицания какого-то отчетливо понимаемого единичного сущего, т. е. «нечто» как «не то» («то» в смысле аристотелевской первой сущности). Это будет расходиться с привычно принятыми правилами перевода, которые построены

⁸ «Das néant ist Struktur des Bewußtseins, das *rien* ist unbewußtes Nichts (90). Sartre hält sich nicht immer an diese Unterscheidung» [Сартр 2001, 1119].

⁹ «Сбой русского языка: вместо не-что ни-что, — особенно озадачивал С. Булгакова» [Кувакин 1993, 77].

¹⁰ Например, на вопрос «Что-то не так?» мы можем ответить «Все так». Во французском языке это «все так» и может передаваться с помощью *rien* (также можно это передать наподобие — «ничего, все нормально»)

на прямолинейной отсылке к значению французского «ничто», наносящей ущерб имеющимся здесь смысловым и этимологическим оттенкам. *Rien* в вопросительных предложениях имеет значение неопределенных форм «что-нибудь», «что-либо». Помимо этого этимологически *rien* означает «не-сущее» (не-вещь), а как мы указывали, русское местоимение «ничто», возведенное к «не-то», также может быть представлено как «не-сущее», т. е. не какое-то существующее в наличном бытии известное нам конкретное индивидуальное сущее, а неопределенное сущее, неизвестное нам «что», и в этом смысле несуществующее, но вместе с тем все же существующее. Приблизительно этот же смысл мы извлекаем из французского «rien» и английского «nothing», хотя в традиции данных языков значение этих существительных отождествляется с «ничто», а не с «ничто», что, естественно, находит свое отражение и в русском переводе.

Таким образом, в ходе развития французского языка «rien» начинает связываться с отрицательным «ничто», а не с отрицательным существительным не-сущее, на что указывала сама корневая основа слова, очевидность связи которой с фактом вещиности с течением времени стерлась. Данное обстоятельство определило русский перевод, в котором соблюдена эта сложившаяся норма. Вместе с тем, с учетом всего сказанного, понятнее был бы буквальный перевод *rien* («ничего») как не-сущее. Использование «ничто» в аккумулятиве («ничего»), как это дано во французском языке, при таком же переводе на русский мало что проясняет, так как в отличие от принципиального и зримого различия самих слов во французском языке (*néant* — *rien*) в русском языке мы видим только различие в падежной форме (ничто — ничего).

Сартр не случайно использует разные формы «ничто» («néant» и «rien»), позволяющие ему раскрывать существо вопроса о *ничто*. Для Сартра эти слова не являются ни синонимами, ни выразителями одного и того же смысла, скрытого за ними. Сартровское *néant* (ничто), описываемое дескриптивно, имеет отношение к апофатической процедуре, применяемой в случае необходимости как-то подступиться к возможности определения, например, Единого, что оказывается невозможным. То есть мы сталкиваемся с ситуацией не частичного, модального, а полного отрицания всего того, что хоть как-то может связывать «определяемое» с понятиями, относящимися к существующему, к наличному бытию, к вообще бытию. Хотя, притом при всем, такое полное отрицание оказывается вовсе не тождественно парменидовскому ничто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахутин 2007 – Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб., 2007.
2. Булгаков 1994 – Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
3. Буслаев 1992 – Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.
4. Жирмунский 1948 – Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1948.
5. Каталано 1995 – Catalano, Joseph S. A Commentary on Jean-Paul Sartre's Being and Nothingness. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
6. Кувакин 1993 – Кувакин В. А. Личная метафизика надежды и удивления. М., 1993.

О философском подходе к переводу лексемы «ничто» в сартровском «Бытии и ничто»

7. Кузнецов 1969 – *Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969.
8. Куртине 2007– *Courtine, Jean-François.* Présentation // L'introduction a la métaphysique de Heidegger. Éd. Jean-François Courtine. Paris: J. Vrin, 2007
9. Лейбниц 1982 I– *Лейбниц Г.-В.* Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.-В. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1982.
10. Лейбниц 1982 II – *Лейбниц Г.-В.* Порядок есть в природе // Лейбниц Г.-В. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1982.
11. Лейбниц 1982 III – *Лейбниц Г.-В.* О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г.-В. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1982.
12. Лосев 1994 – *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1994.
13. Михальский 2010 – *Михальский К.* Хайдеггер и современная философия // Михальский К. Логика и время: Опыт анализа теории смысла Гуссерля. Хайдеггер и современная философия. М., 2010.
14. Шеллинг 1861 – *Schellings F.W.J.* Darstellung des philosophischen Empirismus // Schellings F.W.J. Sämtliche Werke. 1833-1850. Bd. 1. Abtheilung, X. Stuttgart und Augsburg. 1861.
15. Сартр 2000 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
16. Сартр 1943 – *Sartre, Jean-Paul.* L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943.
17. Сартр 1969 – *Sartre, Jean-Paul.* Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology. London, Taylor & Francis, 1969.
18. Сартр 2001 – *Sartre, Jean-Paul.* Das Sein und das Nichts: Versuch einer phänomenologischen Ontologie. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Hamburg, 2001.
19. Словарь 1958 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Под ред. Ф. П. Филина и др. Т. 7. М., Л., 1958.
20. Словарь 1847 – Словарь Церковно-славянского и русского языка. Т. 1. Санкт-Петербург, 1847.
21. Словарь 2006 – Dictionnaire étymologique de la langue française: par Auguste Brachet. Université d'Oxford, 2006.
22. Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1997.
23. Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М., 1993.
24. Хайдеггер 1976 – *Heidegger, Martin.* Was ist Metaphysik? // Heidegger, Martin. Gesamtausgabe, Band 9. Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976.
25. Хайдеггер 1977 – *Heidegger, Martin.* What is Metaphysics? // Heidegger, Martin. Basic Writings. New York: Harper and Row, 1977.
26. Хайдеггер 2001– *Heidegger, Martin.* What is Metaphysics? // The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy, I (2001).
27. Хайдеггер 1983 – *Heidegger, Martin.* Gesamtausgabe, Band 40. Einführung in die metaphysik. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1983.
28. Хайдеггер 2012– *Heidegger, Martin.* Qu'est-ce que la métaphysique? // http://www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/heidegger_metaphysique.pdf (p. 5-6, 12). (27.01.2012).